

О, БЕЛАРУСЬ

О, Беларусь моя –
рай для очей!
Звёздная радуга
тихих ночей.
Утро цветастое,
солнечный день,
души открытые
щедрых людей.

О, Беларусь моя –
дивная песнь,
счастье родиться
и вырасти здесь,
где васильковая
неба вуаль
кружит мечтами
ромашковый бал.

Где безмятежны
и мысли, и сны,
белые крылья
у птиц и весны;
где вековечные
сосны в лесу,

где я свой крест
без сомнений несу.

Здесь, по-над Нёманом,
дом мой и кров,
жадно надежду
здесь пью и любовь.
Звонче язык здесь, родней
и звучней,
о, Беларусь моя,
рай для очей!

ТЕРЦИНА

Мелодия слетела с поднебесья
узорчатой снежинкой на ладонь,
проникла в сердце не холодной песней,
но вспылала в нём, зажгла огонь,
как миг любви, таинственный, заветный
и хрупкий, как снежинок белый фон.
Ты не услышал музыки миг чистый,
она во мне растаяла, пропала,
и жизни ты моей не стал солистом,
и я твоей мелодией не стала.

СБЕГАЮ В ДЕРЕВНЮ

Нет, в городе Отчизны не видать,
бегу за вдохновением в деревню
и падаю в объятия откровенью,
как росы на луга спешат упасть.

Написанные в городе стихи
тихонько вянут, как букеты в банках,
а здесь они – волошки-васильки,
бегут к реке в лазурных вышиванках.

Какой простор и густота небес!
Не охватить ни разумом, ни сердцем,
и горбится китом огромный лес –
за полем лёг на солнышке погреться.

Весёлой жизнью пёстрый луг живёт,
пахучей, бриллиантовой и звонкой,
не наступить бы на скрипичных «звёзд» –
кузнечиков, в шелках травы высокой.

Люблю бродить в лесу, грибы искать
иль сесть в овраг и любоваться высью,
и утопать глазами в цвете листьев,
ногами – в ласке тёплого песка.

Всю прожитую жизнь перелистать,
и воздухом целебным насладиться!..
А в город нужно – чтобы утомиться.
Нет, в городе Отчизны не видать.

ШАРЫ

Как хочется быть Музой, не обузой,
не только, чтоб любить, но вдохновлять.
Как шар бильярдный, закатиться в лузу
и на всю жизнь единственной стать.

Но в жизни, жаль, такого не бывает,
мечтаем под воздействием кино.
И шар сперва бока пооббивает,
затем уж в лузу скатится, на дно.
Бильярдный стол зелёный, будто поле,
а мы, как те бесцельные шары,
качаемся по нашей, с виду, воле,
но, как известно, только до поры.

Придёт тот час – негаданный, печальный –
сквозь пальцев круг напрягшейся руки,
наткнёмся мы на (с виду так случайно!)
своей судьбы неотвратимый кий.

НА ПЕРЕХОДЕ

На переходе от зимы до лета
мы встретились с тобою тет-а-тет.
Звучала ты тоскливо-скромной флейтой,
а я басил осипло, как кларнет.

Совпали строи наших инструментов,
хоть разным был чуть-чуть диапазон.
Весна прощала нам все сантименты,
для вдохновенья создавала фон.

Не слышали чудеснее дуэта –
играли мы любовь ну просто с нот!
Пока не влился этот фат-фагот.
На переходе от зимы до лета
перехватил он партию кларнета,
и флейту соблазнил чужой фокстрот.

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИЛЫЙ

Ты не стал мне ещё никем,
виртуальный мой собеседник.
Как-то раз по ночной реке
слов букет мне послал осенний.

Но слова меж закатных зорь
не пропали, не утонули,
разорвали небесный флёр,
и печаль мою в ночь вернули.

Может быть, Всемогущий Бог
дал нам шанс на своём портале,
твоим словом предостерёг
в мир иной моё сальто-мортале?

Гарантийных билетов нет
на любовь, жизнь, успех и счастье.
Твоих слов золотой букет
не сменю на земные страсти.

И как только ночной хорал
зазвучит во мне с новой силой,
я приду к тебе в наш астрал,
мой пока виртуальный милый.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Под осенней липой
сладко и медово.
Золотые листья,
золотое слово.

Дали златом полны,
тишина золотая,
золотые волны
берега качают.

Золотые мысли
сердцем завладели,
золотые песни
в небо улетели.

И любви у Бога
золотой мы просим,
но в конце дороги –
золотая осень.

ВЕРА МОЯ

Вера моя – словно ниточка тонкая
из сундучка заветного,
она ещё слабая, скромная, ломкая,
но, словно зеркальце, светлая.

Вера моя – как шкатулка бесценная
с дивною инкрустацией,
Прошлое с Будущим – правда нетленная,
нынешний мир – анимация.

Вера моя – как роса золотистая
на травах, что стелются скатертью.
Вера моя – ты слезинка лучистая
на лице святом Божьей Матери.

СЛОВО

Чёрное слово властвует миром.
Что ж вы, поэты?
Где ваша Лира?
Красным словцом либо хоть золотым
чёрному страху закройте вы рты.

Чёрное слово – от грязи, порока.
Где ж вы, пророки?
Что ж вы, пророки?!
Вещее слово, как грозный набат,
души взорвёт пусть,
как сотня гранат.

Чтобы очнулись от вечной дремоты
душ и сердец опустевшие дзоты,
им не укрыться за хлипкие груди,
бейте в них, люди!
Слышите, люди?!

Тёплое слово зовите в подмогу,
лейте по капле целебного грога
на всех лишённых и доли, и воли,
тёплого слова не знавших дотолё.

Тёплое слово, червонное слово –
и заиграет жизнь музыкой снова.
Час приближается, верую в то я –
мир воскресит наш
Слово Святое.

ЗАКАТ НА МОРЕ

Балтика, море, дюны,
сосны до Солнца аж...
Берег – седой и юный –
странной красы мираж.

Чувства спешат, как вестники,
в душу опять и опять.
Как же здесь близко до Вечности,
может, сходить погулять?!

Облако розово-бледное –
пухлый, волнистый зефир,
отблески солнца последние
на предвечерний эфир.

Безднами вспыхнет развёрстными
и, повторяясь точь-в-точь,
светлыми братьями-звёздами
скромно украсится ночь.

ЛУЧШИЙ ГОРОД

Перебираю в мыслях города,
куда бы я уехать захотела
от скуки, от унылого труда,
от изнурённости души моей и тела.

Так хочется сбежать, не чуя ног,
туда, где горьким опытом научен,
ты будешь, как и прежде, одинок
и никому, наверное, не нужен.

Венеция? – Но там одна вода.
Париж? – Обитель серого блаженства.
Рим – слишком вечный, мне зачем туда?
И Вене далеко до совершенства.

Себя на мысли вновь и вновь ловлю,
что уезжать едва ли соберусь я,
ведь только Гродно всей душой люблю –
частицу уникальной Беларуси.

Тут буду я считать свои года,
жить радостно, светло, певуче, гордо...
Зачем нужны другие города,
когда на карте мира есть мой Гродно!

АКСИОМЫ

Отчизну и свой род – не выбирают.
Счастливые в дороге умирают.
И то, что против лома нет приёма, –
известные нам с детства аксиомы.

Я с первой готова согласиться,
но не хочу в конце пути забыться,
упасть – в изнеможенье и тревоге –
на испещрённой судьбами дороге.

Хочу я быть в свой час последний дома,
уйти за край, не думая об этом.
Пусть снизойдёт улыбка, как истома,
мне на уста прощальным тихим светом.

И против неуступчивого лома
я находила нужные приёмы:
мне доброты, терпения хватало.
В итоге, – лом мой поднимал забрало.

А Родина, родители – святое.
Пусть вам наобещают золотое
житьё и счастье где-то за границей,
но всё ж чужбиной нечего гордиться.

Живите, дорожа родимым Краем,
а то, что мнится мёдом или раем –
обманчиво и мнимо. Всем знакомо,
что счастлив только тот, кто счастлив дома.
А, впрочем, это тоже аксиома.